

*В. Е. Маковский. Осужденный.
1879 г.*

Путилин И.Д., Кошко А.Ф.

НА СТРАЖЕ ОТЕЧЕСТВА

УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

Иллюстрированное издание

МОСКВА

2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Попытки упорядочить сыскную деятельность в России предпринимались с давних пор. В «Русской Правде» — сборнике правовых норм, составленном в XI в., описаны «свод» и «гонение следа» — методы сыска, использовавшиеся при установлении виновного в краже и розыске украденного (первый) и при розыске преступника, скрывшегося с места преступления (второй метод). Если изначально задача и целесообразность розыска преступника и доказывание его вины были прерогативой пострадавшего (когда он физически не имел такой возможности — был убит или тяжело ранен — его родственников), то со временем государство, в лице княжеской власти, все активнее стало брать на себя функции преследования преступников, их розыска и наказания.

В дальнейшем нормы и формы уголовного сыска определялись «Судебниками» 1497 и 1550 гг., Соборным уложением 1649 г. В последнем компетенция розыска преступников возлагалась на Разбойный приказ (он был создан в 1539 г.): «Которые разбойники разбивают, и людей побивают, и тати крадут в Московском уезде и в городах, на посадах и в уездах, и такие разбойные и убийственные и татинные дела ведать в Разбойном приказе».

При Петре I в России впервые была создана регулярная полиция — специальный государственный аппарат, отделенный от общеадминистративных органов управления. Задач у полиции было много, но основной была борьба с преступностью, соответственно, и розыск преступников. В 1711 г. определенные полицейские и розыскные функции были также возложены на фискальную службу. После смерти Петра, в 1730 г., был учрежден Сыскной приказ, в 1746 г. — Особая экспедиция по делам воров и разбойников.

Несмотря на многочисленные реформирования, предпринимавшиеся в XVIII в., сыскная деятельность оставалась неупорядоченной, вновь создаваемые учреждения существовали недолго и быстро заменялись новыми. Определенные меры были предприняты в начале XIX в., в период глубокого преобразования всей системы государственной власти в России. Были созданы Министерство внутренних дел (1802) и Министерства полиции (1810; в 1819 г. оно было присоединено к МВД). Тем не менее, на фоне непрекращающегося роста преступности, этих мер было недостаточно.

Надо сказать, что такое положение дел долгое время было характерно не только для России, но и всей Европы. Прорывом стала деятельность Эжена Франсуа Видока — бывшего преступника, который в начале XIX в. стал первым главой французского Главного управления национальной безопасности и считается «отцом» уголовного розыска в его современном виде. «Ноу-хау» Видока стала успешная реализация в сыске таких методов, как негласное наблюдение, осведомительство, организация притонов-ловушек, внедрение сыщиков в преступную среду и т. д.

В Российской империи знали о достижениях Видока и других европейских сыщиков, но сыск как самостоятельная структура начал «оформляться» только во второй половине столетия. В 1860 г. полиция была полностью освобождена от судебных и части следственных функций, в ее компетенции осталось дознание по уголовным преступлениям. Через четыре года был принят «Устав уголовного судопроизводства», в котором отмечалось, что полиция проводит дознание «путем сбора всех нужных ей сведений посредством розысков, словесных расспросов и негласного наблюдения».

И, наконец, 1866 г., 26 октября — дата, которая считается «днем рождения» уголовного сыска в России. В этот день императором было утверждено положение Кабинета министров о создании Санкт-Петербургской сыскной полиции. 31 декабря того же года был издан соответствующий приказ министра внутренних дел об организации в столице специального подразделения, главной задачей которого был общеуголовный сыск. В «Учреждении Санкт-Петербургской городской полиции» указывалось: «Сыскная полиция имеет своим назначением производство розысков и дознаний по делам уголовным, а равно исполнение приказаний градоначальника относительно мер по предупреждению и пресечению преступлений. Сыскная полиция действует на общих для полиции установленных основаниях в качестве исполнительного полицейского учреждения по специальной части».

Первым начальником сыскной полиции Санкт-Петербурга стал Иван Дмитриевич Путилин, человек, которого называли «гением русского сыска». С биографией Путилина и его воспоминаниями читатель познакомится чуть позже, пока же остановимся на том, что представляла собой «первая ласточка» уголовного сыска России. Надо сказать, что начальный период сыскного отделения изучен слабо, данных очень немного, а иногда они противоречат друг другу. Например, до конца не ясно, каким же был изначальный состав уголовного сыска столицы, особенно с учетом того, что в первые три года, помимо штатных сотрудников, к работе привлекались вольнонаемные сыщики.

В любом случае, 20 или даже 40 оперативных работников на город с полумиллионным населением и высоким уровнем преступности — это

было очень мало. Для сравнения, в сыскной полиции Парижа на тот момент состояло 400 человек, Вены — 600, Берлина — почти 900.

Малочисленность, невысокая оплата труда агентов, недоступность современных методов криминалистики — дактилоскопии, экспертизы и т. д. — из-за этих и других причин эффективность сыскной полиции была, как считают некоторые исследователи, невелика. Впрочем, есть и другое мнение, основанное на документах: в 1867 г. раскрываемость убийств в Петербурге составляла 85%, краж — 55%, грабежей — 30%, средний процент раскрываемости преступлений составлял 56% — весьма достойные показатели на фоне общей картины, характерной для тех лет.

Цифры цифрами, а конкретные дела иллюстрируют эффективность работы любой структуры подчас гораздо нагляднее. Особенно, если в них тем или иным образом затронуты интересы высших сановников государства. Одно из таких дел произошло в начале 1870-х гг. Александр Егорович Тимашев приехал из Петербурга в Москву, чтобы повидаться со своей престарелой матерью, жившей на Большой Дмитровке. На следующий день он, будучи человеком очень набожным, отправился к обедне в Успенский собор. Вечером Александр Егорович вернулся домой и только тут понял — его обворовали! Пропали кошелек, золотой портсигар с бриллиантами, важные бумаги.

Дело, в общем-то, обычное: обчистить в церкви богомольца, слишком поглощенного молитвой, — московским ворам раз плюнуть. «Пикантность» этому происшествию придавало другое — Александр Егорович Тимашев с 1868 г. возглавлял министерство внутренних дел, и борьба с преступностью, с ворами в том числе, была его первой обязанностью.

Сам Тимашев, естественно, в поисках своих пропавших ценностей по московским подворотням не бегал. На то у него были подчиненные. Министр рассказал о происшествии генерал-губернатору, князю Долгорукову, тот вызвал обер-полицеймейстера, который, в свою очередь, по цепочке, поставил задачу: вещи и бумаги министра найти во что бы то ни стало. Причем в кратчайшие сроки. То есть завтра. К утру.

Нереальная задача? Но ведь нашли же! Свои методы, свои «подходы» — но результат-то есть, вот он: уже ранним утром пропавшие вещи ми-

нистра были у обер-полицмейстера. И вот тут-то высшие сановники осознали — люди из уголовного сыска едят свой нелегкий хлеб не зря. Как писало издание «Исторический вестник», «генерал-губернатор князь Долгоруков остался чрезвычайно доволен распорядительностью московской полиции, а министр признал, что ни о чем подобном не имеют понятия даже в Лондоне, где сыскная полиция поставлена на чрезвычайную высоту».

Очевидно, что в первые годы работы сыск держался на талантах его руководителя, И. Д. Путилина, и его подчиненных. Однако рост населения и преступности настойчиво требовал более внимательного подхода к деятельности сыскной полиции. В 1887 г., по представлению градоначальника Санкт-Петербурга генерала П. А. Грессера, штат уголовного сыска был расширен («в поле» уже работали почти 120 человек), его сотрудникам существенно увеличены оклады. При сыскной полиции было создано антропометрическое бюро, фотографический кабинет и картотека, стол находок и др. В 1908 г. рижская полиция впервые использовала для розыска служебных собак, и вскоре кинологические службы появились в сыскных отделениях большинства крупных городов.

Вслед за Петербургом, сыскная полиция появилась еще в двух «столичных» городах — Варшаве (1874) и Москве (1881), затем в Киеве, Тифлисе, Риге, Баку, Одессе, Ростове-на-Дону. В июле 1908 г. Государственной Думой был принят закон «Об организации сыскных частей», согласно которому розыскная деятельность стала самостоятельной функцией правоохранительных органов, а сыскные службы были организованы во всех губернских и крупных городах.

В августе 1910 г. Министерство внутренних дел, которое тогда возглавлял П. А. Столыпин, утвердило «Инструкцию членам сыскных отделений». Помимо задач, была установлена структура подразделений уголовного сыска. Один из отделов — внутреннего наблюдения — проводил работу по розыску преступников с использованием негласной агентуры — представителей преступного мира, хозяев притонов, скупщиков краденого. Сыщики пользовались сведениями от лиц, которые по роду деятельности могли вести наблюдение за скоплениями народа, — дворников, разносчиков, извозчиков, железнодорожных служащих и т. д. Наружным наблюдением

занимались филеры — штатные сотрудники, которые специализировались на оперативной слежке за подозреваемыми. В состав сыскных отделений (в крупных городах) входили также справочное регистрационное бюро, при котором имелись антропометрический, фотографический и дактилоскопический кабинеты, стол розыска, стол приводов, летучие отряды (полуофициальное название подразделений, которые несли постоянное дежурство на вокзалах, рынках, в театрах и т. д.).

Перед Первой мировой войной главой Уголовного сыска Российской империи стал Аркадий Францевич Кошко. Человек интереснейшей судьбы, которого, как и И. Д. Путилина, именовали «гением русского сыска». Отпрыск знатной дворянской семьи, Аркадий окончил военное училище, однако вскоре понял, что армейская карьера — не его призвание. В 1894 г. он поступил простым инспектором в Рижскую сыскную полицию, а уже через шесть лет стал ее руководителем. Благодаря своим способностям, он быстро продвигался по службе, в 1905 г. он стал заместителем сыскного отделения Санкт-Петербурга, а в 1908 г. возглавил Московское сыскное отделение. «Наследство» Аркадию Францевичу досталось непростое — как раз накануне его назначения сенатская комиссия вскрыла серьезные упущения в работе московской полиции, среди прочего отмечалась крайне низкая эффективность сыска.

Благодаря своим организаторским способностям, наведению железного порядка во всех подразделениях и применению современных методов сыска хаос в московской сыскной полиции удалось быстро преодолеть. Поистине гениальные способности Кошко проявил и когда руководил всем сыском России. Неслучайно на проходившем в Швейцарии Международном съезде криминалистов русская сыскная полиция в номинации «раскрываемость преступлений» была признана лучшей в мире.

Так случилось, что Аркадий Кошко стал последним руководителем Уголовного сыска России. Сразу после Февральской революции 1917 г. Временное правительство упразднило сыскные отделения. Это объяснялось тем, что с 1905 г. сыск активно привлекался к делам политического характера. При этом тот факт, что участие сыскной полиции ограничивалось оперативным

розыском, а непосредственно политический сыск был в компетенции охранных отделений, во внимание не принимался. Не признавали преемственности с «царским» сыском и большевики, в одном из первых приказов Главмилиции указывалось: «На службе в уголовно-розыскных отделениях ни в коем случае не должны находиться лица, хотя бы незаменимые специалисты, участвовавшие в сыске до Октябрьской революции». Были уничтожены ценнейшие картотеки,

пропала информация о множестве интереснейших дел.

К счастью для нас, потомков, Иван Путилин и Аркадий Кошко были не только гениальными сыщиками и блестящими организаторами, но и обладали несомненным литературным талантом. И поэтому тем ценнее становятся воспоминания людей, которые в свое время непосредственно писали историю Уголовного сыска Российской империи...

ЧАСТЬ I

ГЕНИЙ
РУССКОГО СЫСКА
И. Д. ПУТИЛИН

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

По природе своей Путилин был чрезвычайно даровит и как бы создан для своей должности» — знаменитый юрист, общественный и государственный деятель, литератор Анатолий Федорович Кони прошел в свое время все ступени служебной лестницы, знал уголовный мир и всё, что с ним связано, не понаслышке. И потому такая характеристика из его уст многого стоит. Путилин — действительно самородок, «*self-made-man*», как говорят американцы, человек, «сделавший» сам себя благодаря своим способностям и преданности выбранному делу.

Ивана Путилина часто сравнивали с Шерлоком Холмсом, Эркюлем Пуаро, комиссаром Мегре и т. д. Что ж, весьма лестное сравнение... для Холмса, Пуаро, Мегре и прочих литературных детективов и сыщиков. Ведь писатель может наделить своего героя любимыми, хотя бы и сверхъестественными способностями, может отвести летящую прямо в сердце пулю, может даже сбросить куда-нибудь на дно Рейхенбахского водопада, а потом воскресить. Путилин же — реальный человек, расследовавший реальные преступления, совершавшиеся реальными преступниками. И у него-то как раз не было возможности «переиграть». Приходилось полагаться на себя, а иногда последним шансом была Божья помощь. Как было однажды на ночной дороге близ Петербурга, когда на него напала банда разбойников. Топор был уже занесен, но в самый последний момент бандитов что-то спугнуло...

Что еще роднит Ивана Путилина с его литературными коллегами, так это «нечеткость» биографии. Удивительно, но о человеке, занимавшем значительный пост, тайном советнике (в Табели о рангах это соответствовало генерал-лейтенанту и вице-адмиралу) известно очень немного, даже фотографий его сохранилось всего две: одна в молодости, вторая — когда Путилин уже был знаменитым на всю Россию сыщиком. Неизвестны и точная дата и место появления на свет Ивана Дмитриевича. Большинство источников указывают 1830 г., предположительно — май, Курская губерния, по одним данным — Старый Оскол, по другим — Новый Оскол. О происхождении — тоже немного, в формулярном списке только короткая запись: «Из обер-офицерских детей. Сведений о родительских, своих или жены именях родовых или приобретенных — нет».

В десять лет Иван был определен в Новооскольское уездное училище, где проучился четыре года. В октябре 1850 г. он, при содействии старшего брата Василия, приехал в Петербург, где получил место канцелярского служащего в хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел. В 1854 г. Путилин получил свой первый чин в Табели о рангах — коллежского регистратора.

Это — самый низ служебной лестницы. Подняться выше «человеку без происхождения» было очень непросто, однако Путилину, благодаря трудолюбию

и способностям, это удалось. Иван быстро осознал, что спокойная служба в хозяйственном департаменте — это не для него, и в ноябре 1854 г. подал рапорт петербургскому обер-полицмейстеру с просьбой перевести его в штат полиции. Именно тогда появилась первая характеристика И. Д. Путилина, сделанная неизвестным чиновником: «Коллежский регистратор Иван Путилин известен как молодой человек благонравный, скромный, усердный к службе и обращающий на себя постоянно благосклонное внимание начальства».

Начальство снова было благосклонно, и рапорт удовлетворило, правда, вверх Путилина никто особо не подталкивал. Младший помощник квартального надзирателя — должность «на подхвате», абсолютно лишённая самостоятельности, «куда пошлют». Впрочем, это было то, что нужно — «школа жизни» молодого сыщика. Толкучий рынок и прилегающие районы, где пришлось начинать Путилину, — место не для тех, кто ищет спокойной службы. Рассчитывать приходилось исключительно на себя. «Теперь, — вспоминал Иван Дмитриевич, — у нас есть все, что только могли выработать прогресс и наука... А тогда? Что было тогда?

Ничего, ровно ничего в положительном смысле, зато много — в отрицательном. Неграмотные «бумажники», грязные кварталы-части с невежественным персоналом, откровенное пьянство и еще более откровенное взяточничество. Невозможные пути сообщения, так что поездка за десять-двадцать верст куда-нибудь за город, в особенности в глухое ночное время, представлялась уже подвигом... Это время было расцветом разбойничества и сумерками полицейско-сыщической власти. При этом ловкость злодеев была обратно пропорциональна энергии полиции».

Зато быстро приходил такой необходимый опыт. Уже через девять месяцев после начала службы, за блестяще проведенный розыск по делу о крупной краже, Иван Путилин получил первую благодарность от начальства. В 1856-м — первое повышение по службе: его переводят в старшие помощники квартального надзирателя.

С тех пор карьера Путилина стремительно пошла вверх. В 1857 г., за отличие при поимке воров и убийц, он был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, в 1858-м, за храбрость при

поимке бежавших преступников, — орденом Св. Анны 3-й степени. В том же году Ивана переводят в квартальные надзиратели. В 1859 г. за раскрытие серии преступлений Иван Дмитриевич представлен к ордену Св. Станислава 2-й степени, а в 1861-м, за исполнение особых поручений, награжден орденом Св. Владимира 4-й степени.

* * *

Уметь распознавать по грязи на ботинке, из какого она района города, или по одной наклеенной на бумагу букве определять, из какой она газеты, — это, безусловно, должен уметь каждый «лучший сыщик всех времен и народов». Умел ли это делать Иван Путилин — мы не знаем, но свои методы, свои козыри у него, безусловно, были. «Необыкновенно тонкое внимание и чрезвычайная наблюдательность, — вспоминал о Путилине А. Ф. Кони, — в которой было какое-то особое чутье, заставлявшее его вглядываться в то, мимо чего все проходили безучастно, соединялись в нем со спокойной сдержанностью, большим юмором и своеобразным лукавым добродушием... Он умел отлично рассказывать и еще лучше вызывать других на разговор и писал недурно и складно... К этому присоединялась крайняя находчивость в затруднительных случаях, причем про него можно было сказать, *“qu’il connaissait son monde”*, как говорят французы».

Путилин действительно хорошо знал мир, и не только свой, но и тот, на борьбу с которым он отдал сорок лет своей жизни. То самое «дно» он изучал не по книжкам, не по отчетам подчиненных, а на собственном, очень богатом опыте. Иван Дмитриевич обладал просто-таки потрясающим даром перевоплощения (все-таки аналогии с Шерлоком Холмсом напрашиваются сами собой), нередко переодевался бродягой, старьевщиком, мелким купцом и отправлялся в трактиры, на постоялые дворы и притоны — за знаниями и сведениями, которые впоследствии оказывались очень нужными. Ситуации возникали разные, случались драки и поножовщина, но энтузиазм Путилина эти «мелочи» не охладили.

И конечно, дедуктивный метод, куда ж без него. Наблюдать и делать выводы из самых, казалось бы, незначительных деталей Иван

Дмитриевич умел великолепно. А. Ф. Кони описывал поведение Путилина в ходе расследования убийства иеромонаха Александро-Невской лавры Иллариона: «Он стал тихонько ходить по комнатам, посматривая туда и сюда, а затем, задумавшись, стал у окна, слегка барабанил пальцами по стеклу: “Я пошлю,— сказал он мне вполголоса,— агентов (он выговаривал “ахентов”) по пригородным железным дорогам. Убийца, вероятно, кутит где-нибудь в трактире, около станции”. — “Но как же они узнают убийцу?” — спросил я.— “Он ранен в кисть правой руки”,— убежденно сказал Путилин.— “Это почему?” — “Видите этот подсвечник? На нем очень много крови, и она натекла не брызгами, а ровной струей. Поэтому это кровь не убитого, да и натекла она после убийства. Ведь нельзя предположить чтобы нападавший резал старика со свечкой в руках: его руки были заняты — в одной был нож, а другою, как видно, он хватал старика за бороду”. — “Ну, хорошо. Но почему же он ранен в правую руку?” — “А вот почему. Пожалуйста сюда, к комоду. Видите: убийца тщательно перебрал все белье, отыскивая между ними спрятанные деньги и ценные бумаги. Вот, например, дюжина полотенец. Он внимательно переворачивал каждое, как перелистывают страницы книги, и видите — на каждом свернутом полотенце снизу — пятно крови. Это правая рука, а не левая: при переворачивании левой рукой пятна были бы сверху...”

Поздно вечером, в тот же день, мне дали знать, что убийца арестован в трактире на станции Любань. Он оказался раненым в ладонь правой руки и расплачивался золотыми монетами».

Конечно, Путилин был не единственным известным сыщиком в Петербурге и России. Но когда встал вопрос, кого назначить на должность руководителя вновь созданного петербургского отделения сыскной полиции (31 декабря 1866 г. приказом Санкт-Петербургского обер-полицмейстера И. Д. Путилин временно назначен начальником Сыскной полиции, 1 августа следующего года его назначение обрело постоянную силу), выбор пал именно на него. И дело не только в его талантах, количестве успешно расследованных дел, коих были сотни. Имя Ивана Дмитриевича уже было окружено неким ореолом «всемогушества», казалось, что если уж Путилин взялся за дело, то виновный

будет найден. Преступники его боялись, те, кто был поумнее других,— боялись, уважали и сотрудничали.

Начальник сыска по определению не мог быть «святей папы римского», Путилин не раз и не два в своей карьере использовал сведения от людей, зная, что за теми водятся грехи. Авторитетом в преступной среде он пользовался колоссальным, все знали, что Иван Дмитриевич злодею

И. Д. Путилин.
Фотография XIX в.

спуска не даст, но и никого зря не обидит. Он всегда был убежденным противником телесных наказаний и «силовых методов» воздействия на подозреваемых. Путилин не пытался запугивать, считал, что нужно «влезть в душу», даже если эта душа темная. И это чаще всего срабатывало. «Иногда я думаю, — отмечал он в своих воспоминаниях,— что священник и врач — два интимнейших наших поверенных — не выслушали столько тайн, не узнали столько сокрытого, сколько я в течение моей многолетней служебной деятельности...

Всего не перечесть, что прошло передо мною, обнажаясь до наготы.

И с течением времени какое глубокое получаешь знание жизни, как выучиваешься понимать и прощать!»

* * *

Незаменимых нет? Это не про Путилина. Внушительная — полтора десятка — коллекция орденов, «монаршие благоволения» и прочие благодарности — это лишь внешние проявления. Важнее другое: Иван Дмитриевич трижды уходил в отставку (он, по-видимому, не обладал отменным здоровьем) и трижды его просили вернуться.

«Дела было всегда много: кражи, грабежи, убийства следовали чуть не ежедневно,— вспоминал Путилин.— Работать приходилось без устали: производить дознание, розыск краденых вещей, делать облавы и т. п. Редкую ночь приходилось мне спокойно проспать до утра». В этих делах снова в тени осталась биография Ивана Дмитриевича — сведений о его личной жизни сохранилось немного. Его первую жену звали Татьяна Константиновна. От этого брака родилось трое детей: дочь Евгения (1860), сыновья Константин (1861) и Иван (1867). После развода с супругой Путилин женился во второй раз, на дочери статского советника Ольге Семеновне Ивановой.

В мае 1889 г. И. Д. Путилин снова подал прошение об отставке, на этот раз окончательной. Петербургский градоначальник П. А. Грессер в последней характеристике перечислял его заслуги перед государством и обществом: «Состоя в течение упомянутого долгого периода под начальством обер-полицмейстеров и градоначаль-

ников, г. Путилин одинаково не щадил своих сил для оправдания важного назначения Сыскальной полиции, вследствие чего неоднократно подвергал свою жизнь несомненной опасности, а здоровье — постоянному испытанию. Такого рода результаты, как возвращение более чем на миллион ограбленного и украденного как казенным учреждениям, так и частным лицам, открытие сотни убийств, обнаружение 10-ти фабрик (Московской губ.) подделывателей фальшивых кредитных билетов, предупреждение многих злодеяний и удаление из общества тысячи вредных личностей, занимавшихся преступными промыслами, не могли быть достигнуты, при постоянном личном руководстве г. Путилиным важнейшими розысками и открытиями, без явной опасности для жизни и без крайнего напряжения физических и нравственных сил».

Последние годы жизни Иван Путилин, не накопивший особого состояния, провел в скромном имении в Новоладожском уезде, недалеко от Петербурга. Всю жизнь он вел записи, собирал сведения о делах, которые довелось расследовать. Выйдя на пенсию, Иван Дмитриевич намеревался посвятить свободное время систематизации воспоминаний и подготовке их к печати. Реализовать эти планы удалось лишь частично — 18 ноября 1893 г. бывший первый шеф Уголовного сыска скончался от отека легких. Место его захоронения достоверно неизвестно: по одним данным он нашел последнее пристанище на Преображенском кладбище Санкт-Петербурга, по другим — в Тихвинском уезде Новгородской губернии.

РАССКАЗЫ

ШАЙКА АТАМАНА «СТЕНЬКИ РАЗИНА»

В 1855—1857 годах в Петербурге нами была обезврежена шайка «душителей», наводившая панический страх на жителей столицы. О деяниях преступников, полных невыразимого злодейства, я подробно рассказал в моих записках, озаглавив часть из их — «Душителю».

Когда все эти люди-«звери» попали в руки правосудия, столица и ее пригороды вздохнули свободно.

Но вот наступили сентябрь и октябрь 1859 года, памятного по массе труда, выпавшего на мою долю — тогда скромного квартального надзирателя. И увь! Опять столица глухо, в смертельном страхе заволновалась.

Да и было, по правде сказать, от чего испугаться!

Сначала в окрестностях Петербурга, а в октябре и в самом Петербурге появилась шайка разбойников под предводительством... Стеньки Разина.

Конечно, этот самозванец не был тем знаменитым героическим злодеем-атаманом, чье имя попало в историю Российского государства, пленило умы поэтов и романистов и было окружено ореолом едва ли не легендарной личности.

Да, это был другой Стенька Разин, с другой шайкой удалых «разбойничков». Размах его злодейской природы не был столь могуч и героичен, но зато своей кровожадностью и дерзостью он был под стать знаменитому прототипу, и недаром он взял себе прозвищем его «славное» имя.

Теперь, когда я уже убелен сединами, занимаю видное служебное положение, окружен всевозможными средствами для борьбы с преступными элементами, мысль моя невольно переносится в то отдаленное время, когда мы должны были поистине голыми руками ловить отчаянных злодеев.

Теперь у нас есть все, что только могли выработать прогресс и наука. К нашим услугам — телефоны и железная дорога, а в нашей профессии — разные научные методы, приемы, изобретения, хотя бы те же графические портреты преступников, антропологические снимки с них и т. д. и т. д. Теперь мы располагаем армией смысленных, образованных агентов-сыщиков, имеющих возможность изучать специальную литературу для повышения своего профессионализма.

А тогда? Что было тогда?

Ничего, ровно ничего в положительном смысле, зато много — в отрицательном. Неграмотные «бумажники», грязные кварталы-части с невежественным персоналом, откровенное пьянство и еще более откровенное взяточничество. Невозможные пути сообщения, так что поездка за десять-двадцать верст куда-нибудь за город, в особенности в глухое ночное время, представлялась уже подвигом. Высказывания дореформенных «властей», прехладнокровно заявлявших: «По-

спеем... Куда спешить? Видите, в карты играю... Не убежит ваш преступник» и многое, многое в том же роде могут дать представление о том, как нелегко было в те годы выслеживать, ловить и арестовывать злодеев.

А они, эти злодеи, словно понимая, что все это неустройство, вся эта тьма, все это «поспеем» им на руку, увеличивались в своем числе со сказочной быстротой. И мало того, что они возрастали численно, но и приобретали еще особую смелость, особое ухарское нахальство в своих разбойничьих похождениях. Они резали, грабили, насиловали с такой же легкостью, с какой пьянствовали и распутничали.

Это время было расцветом разбойничества и сумерками полицейско-сыщической власти. При этом ловкость злодеев была обратно пропорциональна энергии полиции.

В это сумеречное время началась моя служебная карьера, деятельность, которой я отдался со всем жаром молодой души, твердо веруя, что честное служение правосудию в деле поимки негодяев-убийц, служение под именем полицейского-сыщика не может уронить ничего человеческого достоинства.

В ночь на 7 сентября, знаменитого количеством убийств, 1859 года было совершено убийство в харчевне, называемой «Черной», находившейся по Выборгскому шоссе (Петербургского уезда). Владелец харчевни Самоделов, его жена и его брат были найдены плавающими в лужах крови с расколотыми топором головами.

Все помещение харчевни было буквально залито кровью. На полу двух комнат валялись куски мозга и виднелись кровавые следы от сапог. Все вещи были разграблены.

Ввиду того, что убийство было совершено не ночью, а вечером, а Самоделов с братом, судя по их наружному виду, должны были обладать большой физической силой, становилось очевидным, что убийство совершено, по всей вероятности, не одним человеком, а несколькими. Да и на липкой грязи вокруг харчевни виднелись отпечатки многих ног.

Начали, как водится, следствие.

Прошло несколько дней, как вдруг обнаружено новое убийство.

В деревне Пещанице в своем небольшом домишке была найдена убитая топором государственная крестьянка Прасковья Бочина.

Еще через несколько дней — новое злодеяние.

В ночь на 14 октября было произведено нападение на квартировавшего в собственном доме в Шлиссельбургском уезде отставного рядового Зубковского.

На этот раз на место происшествия был откомандирован я. Мое непосредственное начальство, оценив мои способности и стараясь все наиболее важные поручения сваливать на меня, призвало меня и сказало:

— Вот что, Путилин, опять злодеяние! Это что-то слишком уж часто. Отправляйтесь и расследуйте это дело.

Я поклонился и отправился.

— Как было дело? — приступил я к опросу перепуганного до смерти Зубковского.

— Мы уже легли спать, потому что было поздно, часов около двенадцати ночи. Жена и шестеро наших детей скоро заснули. Мне что-то не спалось. Лежу я и вдруг слышу, будто кто-то подошел к окну и около окна тихо разговаривает. Вздрыгнул я, привстал, стал прислушиваться, а сердце так и колотится в груди. Слышу: действительно кто-то тихо говорит. Подошел я к окну. Гляжу, но ничего не видно. Ночь темная-претемная, ни зги не видать. Дай, думаю, огонек зажгу, с огоньком выйду на улицу поглядеть. Только я подошел к двери, как вдруг раздался резкий и довольно громкий голос:

— Ломай дверь! Выпирай!

И в ту же секунду в дверь посыпались удары.

Закричал я, бросился к жене, бужу ее, кричу: «Разбойники... разбойники к нам идут!» Проснулась она, закричала тоже, за ней дети.

Бросился я к окну, хотел выскочить, чтобы побежать и позвать на помощь, но окно вдруг распахнулось и в него быстро ворвался разбойник... а то и черт.

— Какой черт? Что ты мелешь, Зубковский? — вырвалось у меня.

— А так, ваше благородие. Взглянул я на него — и от страха уже и кричать не могу. Лицо его — все черное, как есть черное! Как раз тут и дверь упала, выпертая злодеями. Ворвалось их три человека, а тот, который впереди их, еще более страшный. Весь, как зверь, в шерсти, в меху. Как увидала их жена, так и грохнулась без памяти на пол. Бросились они тут на меня, схватили за горло, приставили прямо к шее нож большой и говорят: «Ну, негодяй, давай деньги и все

В. М. Васнецов. Чаепитие в таверне.
1874 г.

добро свое. Ничего не таи, все указывай, а коли кричать станешь или хитрить с нами, — сейчас зарежем!» Трясаясь от ужаса, я показал им на сундук. Взломали они его топором, стали все выгружать в большие мешки, принесенные с собою.

— Где еще? Что еще? — спрашивают, а сами хватают все, что только можно, а потом подошли опять ко мне, смеются. «Ну, не много у тебя денег... Мы думали больше. За это — зарезать тебя надо!» И выхватили опять ножи. Тут очнулась моя жена, бросилась в ноги, стала умолять их не трогать нас. А они, изверги, сделали с ней то, что и сказать невозможно.

— Что же?

— Да тут... при мне... при детях надругались над ней. Как увидел я это, страх позабыл, бросился с кулаками. «Звери подлые! — кричу. — Аль мало вам, что ограбили, так еще позору предадите...» Смеются они, особенно один, которого другие Стенькой Разиным называли, и опять с ножом ко мне подходят. Тут доченька моя милая, Любушка, шести лет, бросилась к этому Стеньке, в шерсти, в меху который, упала на колени перед ним, а рученьками своими за ноги

его обхватила. «Дяденька, милый, ой, не убивай папу и маму, ой, не убивай!» — стала кричать она. А он, изверг, ее топором по плечу как хватил! Закричала она жалобно, ручонками кровь зажимает. Тут они сразу схватили мешки с награбленным и почти бегом бросились из дому. Только через полчаса опамятовался я и тогда кинулся на улицу кричать и звать народ.

Я подошел к маленькой героине. Бедная девочка лежала с перевязанным плечом. К счастью, злодей нанес ей несильный удар. Лезвие топора только краем задело маленькое плечико.

Я помню, как меня поразило это зрелище. Она, с удивительным, недетским терпением перенося испуг и боль, с кроткой любовью глядела на мать и на отца.

И вот тут-то, над ее изголовьем, я поклялся, что разыщу этих проклятых убийц-извергов, насилующих мать при ее детях, этих людей, для которых нет ничего святого, заветного. Кроважая волчица, должно быть, породила их на свет белый.

Со всем рвением и старанием бросился я в расследование этого дела.

Через три дня подоспели новые подвиги этой шайки разбойников.

В глухую ночь на 17 октября они с вымазанными сажей лицами напали на часовню и квартиру часовенного сторожа отставного рядового Серебрякова.

Эта часовня находилась в глухой местности — на кладбище близ казенных кирпичных заводов, принадлежащих второму стану Шлиссельбургского уезда. Злодеи выломали окна в часовне, разграбили часовенную утварь, разбили кружки, из которых похитили все находящиеся там деньги, затем ворвались в сторожку, избili сторожа и связали все его семейство и, конечно, унесли весь его скарб.

Затем с промежутками в день-два было совершено еще несколько убийств и грабежей.

До сих пор, как мы видим, похождения этой шайки сосредоточивались только в уездах Петербурга: в Ново-Ладожском, Шлиссельбургском и Петербургском. Но вот в ночь на 20 октября увлеченные успехом разбойники решили перенести свои преступные деяния в столицу. Они напали на караульный дом Глухоозерской фермы (первого квартала Каретной части), где с семейством жил сторож Дмитрий Слободчиков. Выбив двери и окно, пятеро разбойников ворвались в квартиру сторожа, разграбили все имущество, едва не лишили всех жизни, которую несчастные с трудом вымолили у злодеев.

Едва весть об этом разбойничьем нападении облетела Петербург, как среди его жителей началась паника. Слухи о появлении какой-то шайки атамана Стеньки Разина, разбойничающей в ближайших уездах, доходили, конечно, до столичных жителей, но пока их не особенно тревожили. Мало ли, дескать, где в глухих местностях воруют, грабят, убивают? Там ведь не то, там нет столько полиции, там все возможно.

Но вдруг — Стенька Разин в Петербурге! Его таинственная, зверская шайка с черными харями тут, бок о бок с ними, и никто не знает, когда ей заблагорассудится посетить — с топорами и ножами — намеченных жертв!

Да, огромное волнение охватило петербуржцев! Не было, кажется, ни одного дома, где бы в страхе и смятении не говорили о появлении в столице страшных разбойников.

Мы получили строжайшее приказание от высшего начальства употребить все усилия для скорейшей поимки злодеев.

Так как главное расследование по этому делу было поручено мне и стряпчему полицейских дел Московской части Кельчевскому (о котором я буду говорить в «Душителях»), мы подали докладную записку, в которой написали следующее: «Производимый нами розыск шайки атамана Стеньки Разина должен получить широкий круг действий, требующих неперемennого и деятельного участия земской полиции, так как большая часть преступлений совершена в уездах, где, по всей вероятности, и скрываются преступники. Поэтому для большего успеха в наших розысках и поимке шайки, принявшей столь грозные размеры, было бы желательно энергичное содействие со стороны того же С.-Петербургского земского исправника, а равно и средства для покрытия издержек, неминуемых при предстоящих нам действиях».

Увы, эта докладная записка принесла нам... очень мало пользы.

Как и всегда, мы могли надеяться только на собственные чутье, находчивость, смелость, изворотливость и непреклонную силу духа и воли. Слава Богу, всем этим я был достаточно богат!

Хмурое осеннее утро приветствовало меня в первый день моих розысков. Темное свинцовое небо, плачущее мелкими холодными слезами, опрокинулось над столицей. Дул порывистый ледяной ветер, проникавший до костей.

В 9 часов утра я вышел из нашего квартала-части. Служивый у дверей, которые я не закрыл за собою, громко мне бросил:

— Ишь, дьявол рваный, тоже дверей за собой не закрывает...

Я еле удержался от хохота. Недурно! Наш Фомич, старый брюзга-пьяница, не узнает меня. Очевидно, я заgrimировался на славу. Желая убедиться в этом окончательно, я подошел к нему и спросил сиплым голосом:

— А что, любезный, Путилина нет в квартале?

— А тебе на что Иван Дмитриевич? Али хочешь в лапы его попасться? Он насчет вашего брата — первый орел.

— Да уж очень бы занятно, Фомич, самого себя в лапы сцапать! — рассмеялся я.

Старик даже перекрестился от удивления.

— Да неужто это вы, ваше благородие? — глупо вытаращил он глаза.

Я махнул рукой и пошел. Да, действительно, узнать меня было нелегко. Когда сегодня рано